

УДК 82-145 (Морально-философские стихотворения)

ГОЛОС О. МАНДЕЛЬШТАМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ДУДАРЕВА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СМЕРТИ

© 2023 М.А. Дударева^{1,2}, М.А. Бурая³

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии,
кандидат филологических наук, профессор кафедры общей и славянской филологии¹,
кафедры русской литературы²*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Бурая Мария Анатольевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института —
Школы региональных и международных исследований*

E-mail: buraya.ma@dvfu.ru

¹Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
Москва, Россия

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

³Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Статья поступила в редакцию 19.03.2023

Объектом статьи выступает национальный образ смерти в русской словесной художественной культуре. Предметом исследования является танатологический текст в русской поэзии. Материалом служат два стихотворения: «Отчего душа так певуча» О.Э. Мандельштама и «Есть в России тихие долины...» В.Ф. Дударева. В центре герменевтического и культурфилософского анализа — взаимодействие двух типов действительности, феноменального и ноуменального начала, рационального и стихийного в искусстве. Большое внимание уделяется образу смерти в двух указанных стихотворениях и связанным с ним образам ветра, роши, цветов. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу поэтических текстов О.Э. Мандельштама и В.Ф. Дударева, направленному на высвечивание культурного потенциала проблемы восприятия феномена смерти в русском национальном образе мира, что позволяет с онтологических и апофатических позиций проникнуть в поэтическое слово, а также выявить значение литературных традиций Серебряного века в творчестве современного поэта; применены типологический и историко-литературный методы исследования текста. Результаты работы могут быть интересны филологам, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, русской философии.

Ключевые слова: русская культура и литература, русский фольклор, эстетика Серебряного века, феномен смерти, поэтика О. Мандельштама, современная поэзия, творчество В. Дударева

DOI: DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-97-103

EDN: WWVJDP

Введение. Ощущение, переживание и восприятие смерти у каждого человека свое, но можно в пределах одного космо-психо-логоса, по наблюдению филолога и культуролога Г.Д. Гачева, составить представление о *национальных априори* того или иного народа [5, с. 42]. Можно и необходимо в условиях распространения пандемий, войн, ситуации нахождения человека перед лицом *тотальной опасности* составить такое представление народа о смерти, показать воззрения

русского человека на смерть. В России как литературоцентричной стране сакраментальные вопросы о любви и смерти разрешаются в Логосе. Имагинатив (образ) смерти представлен в поэзии, которая в русском варианте логоцентризма является формой художественной апофатики в культуре. Конечно, мы хорошо помним великое тютчевское выражение «Мысль изреченная есть ложь», которое было воспринято художниками слова Серебряного века в философском регистре

и обозначало то, что в обычном слове, повседневной речи сакральное не проявляется, но в поэтической речи, в символе непостижимое, неявленное приоткрывается. Это амбивалентное свойство языка, как *дома* не только бытия, но и инобытия, раскрывается в первую очередь в поэзии и, добавим вслед за отечественными философами Вл. Соловьевым, Вяч. Ивановым, С. Франком, в танатологическом ее тексте, поскольку смерть апофатична, то есть всегда до конца рационально непостижима.

История вопроса. О.Э. Мандельштам представил апофатический идеал поэзии, который выражается в стремлении к «онтологической полноте до-звука и до-слова, для того чтобы восстановить единство мира до-названия» [9, с. 170]. Интересно то, что С.С. Аверинцев указал на апофатические свойства, присущие уже ранней поэзии акмеиста, которые сохраняются и разовьются в позднем творчестве поэта: «На поверхности это предстает поначалу как некий негативизм — или, если выражаться более высоким слогом, “апофатизм”» [1, с. 13]. Этот образец апофатической поэзии мы находим не только в «Утре акмеизма», «Шуме времени», многочисленных эссе («Слово и культура», «О собеседнике» и др.), но и непосредственно в стихах поэта. В одном из ранних произведений «Отчего душа так певуча» О.Э. Мандельштам приоткрывает нам тайну творчества, создания поэзии до слова, до появления его бумаге. Обратимся к его герменевтическому анализу.

Отчего душа так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм — только случай,
Неожиданный Аквилон? [11, с. 20]

С рациональной точки зрения здесь явная антиномия: душа певуча, значит, поет, в ней зреет слово, но милых, то есть любимых имен при этом мало. И эта амбивалентность усиливается в общем контексте сакрального отношения поэта к имянаречению, к проблеме имяславия (см. стихотворение 1915 г. «И поныне на Афоне»). Однако с апофатической дорациональной позиции это

Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою
И совсем не вернется — или
Он вернется совсем другой. [11, с. 20]

Методы исследования. Размышления о национальном образе смерти в искусстве требуют онтогерменевтического подхода к словесному творчеству, выявления онтологических проблем произведений того или иного художника слова. Танатологические образы следует воспринимать апофатически, то есть на уровне *sensus mortis*, поскольку смерть апофатична, непостижима по своей природе, и в словесной культуре нередко дано именно ощущение *порога*, границы между тем и этим, Я и Другим, *весь* о смерти, которая, по наблюдениям танатолога В.В. Варавы, опаснее и тревожнее для человека, чем само финальное событие [3, с. 9]. Кроме того, само поэтическое творчество рождается на грани двух миров, ноуменального и феноменального, момент столкновения которых приводит к смерти, поскольку, с одной стороны, часть смыслов умирает в Логосе («мысль изреченная есть ложь»), с другой стороны, символический язык поэзии приближает нас к апофатике культуры, возвращает в сакральное лоно Вселенной. Литературовед В. Кожин этот процесс рождения поэтического слова описал в своей программной работе о стихах и поэзии [8]. Из литературоведческих методов продуктивны в данном случае типологический и историко-литературный, а также имманентное восприятие художественного произведения.

Результаты исследования. В стихотворении 1911 г., интересующем нас, поэт отталкивается от звучащего слова, которое выступает опорой для создания мира, и входит в мир *ноуменальный*:

противоречие разрешимо — слово по-фетовски зреет в душе поэта, ухо которого профетически настроено улавливать *музыку сфер*, космический мгновенный ритм. Ветер, как проявление духа (воз-дух), доносит до поэта священные звуки Вселенной, которые потенциальны по своей сути и только могут стать словом, тогда бумага тетрадей будет одухотворена:

В творческой лаборатории современника О. Мандельштама, В.В. Маяковского, в его эссе «Как делать стихи?» мы найдем рассказ поэта о рождении поэзии из гула, ритма, случайных звуков: «Я хожу, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать мычанию, то помывчиваю быстрее в такт шагам. Так обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее

гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытискивать отдельные слова» [12, с. 100]. У О. Мандельштама слово также может возникнуть из ветра, который апофатически, непостижимо и божественно дается, приходит свыше (ветер как высшая сила природы всегда помогает культурному герою русской волшебной сказки, в этом историко-литературном отношении показательна «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина):

О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я». [11, с. 20–21]

Однако звук может так и остаться звуком, не прорасти в слово, но при этом оставить в душе поэта созерцательное восприятие мира, молчание, о котором О.Э. Мандельштам писал в одноименном стихотворении «Silentium»: «Да обретут

мои уста / Первоначальную немóту» [11, с. 14]. И вот в этом молчании апофатически начинает приоткрываться и тайна смерти:

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет? [11, с. 21]

Смерть — встреча с Другим, возможно, с Логосом, который, рождаясь, — умирает, потому что «мысль изреченная есть ложь», потому что не выработано еще языка, который способен передать сакральное знание на земле. Смерть — со-бытие, возвращающее человека в сакральное лоно Вселенной, прерывающее профанную длительность бездуховного мира, его символом становится «игрушечная чаша», в которой блуждает лирической герой. А символом прозрения, выхода из лиминальности является «лазоревый грот», семантика цвета которого указывает на приобщенность лирического героя к инобытию. Колоратив «лазоревый» имеет богатые культурные связи и с миром иконописи, в котором он обозначает внутреннее свечение предмета, божественный свет [10], и с архаическими народными представлениями о прорыве от тьмы к свету, ассоциирующемся с преодолением Хаоса, что выразилось, например, в семантике обрядовых купальских лазоревых цветов [13]. Лазоревый грот у О. Мандельштама выполняет функции окна в инобытие, являясь символом и смерти, и новой жизни одновременно.

Каковы восхищение поэта и пиитический ужас перед этим со-бытием, перед смертью? Это не итог, а диалог со временем, с человеком конца Нового времени, который был озадачен поиском средств к устранению физической смерти, становясь все более метафизически отрешенным. Но важно то, что «Мандельштам находит решение конфликта между безличной вечностью и трепетной человечностью — смертный человек преодолевает свою смертность созданием вечного искусства» [4, с. 327–371], то есть переживает и проживает свою смерть в Логосе (так поступал философ М. Монтень в своих «Опытах»).

Мандельштамовские последние апофатические строчки, которые, возможно, позднее выразились в автобиографическом проникновенном признании А. Ахматовой «Я к смерти готов» после прочтения в узком поэтическом кругу того самого стихотворения 1933 г. «Мы живем, под ногами не чуя страны», пророчески проявились в стихотворении современного поэта Валерия Дударева «Есть в России тихие долины...»:

Есть в России тихие долины,

Где горят огни,
а вечер тих —
Это жгут подруженьки лучины,
Ожидая суженых своих.

Есть в России тихие погосты,
Где растут забытые цветы,
В небесах заботливые звезды
Плачут,
одиночки и чисты.

Даже в темном вихре снегопада
Мне снежинок ласковых не счесть.
Господи, чего же людям надо?!
И любовь,
и смерть в России есть! [6, с. 92]

Стихотворение пронизано танатологической символикой: лучины в руках любимых женщин, ожидающих мужей то ли с войны, то ли, как героини баллад В. Жуковского, с «того света» в страшный вечер; забытые цветы на забытых могилах; одинокие заезды, от которых отвернулись люди, забывшиеся цифровым сном. Сквозной мотив — мотив забвения. Однако почему-то не страшен итог стихотворения В. Дударева, в котором утверждается существование любви и смерти на земле. Почему?

Филипп Арьес, автор фундаментальной работы «Человек перед лицом смерти», описывает отношение человека Нового времени к смерти через метафору дальнего угла: «Человек Нового времени начинает испытывать отстраненность от момента физической смерти...» [2, с. 273]. Человек конца этого эона в погоне за благами цивилизации, в поисках физического бессмертия оказался онтологически не состоятельным. Показателен в этом отношении рассказ М. Горького «Наваждение» [16]. Смерть потеряла онтологический статус, человек даже перед своим концом продолжает думать о материальных благах, озабочен накопительством. Позднее об этом процессе «секуляризации смерти» скажет прот. А. Шмеман в цикле лекций «Литургии смерти и современная культура» [14, с. 165]. На Западе люди умирают «за шторкой», перегородкой, о чем красочно написал Джеффри Горер в эссе «Порнография смерти» [15]. А в России? В нашей литературоцентричной и искусствоцентричной стране, где художники слова все-таки пошли по пути инициатических трансмиссий, то есть передачи

сакральных знаний, смерть обладает другим статусом. Именно поэтому современный поэт В. Дударев старается утвердить ее, как и любовь на земле, вопрошая «Чего же людям надо?!». В России Она «есть», а не во Франции, Англии и т. д. Здесь представлен имажинатив именно *русской смерти*, дано воззрение на смерть русского человека. Если стихотворение читать в контексте национальной топики, то снимается парадоксальность последних строк — как у Валерия Дударева, так и у Осипа Мандельштама. Смерть как событие, наполненное сакральным священным смыслом, была и есть для русского человека, связанного с матерью сырой землей, народ которой тонко чувствует грань между *тем* и *этим* светом, что выразилось в обрядности годового цикла, в праздниках в честь умерших, в *дедах*. Отсюда у В. Дударева появляется и символ горящей лучинки в руках девушки, и острое ощущение пространства русской равнины — долины, где сходятся ноуменальное и феноменальное, горнее и дольнее, проявляется география и апофатика русской природы, равнины.

Валерий Дударев в последние годы жизни часто цитировал последние строчки стихотворения Осипа Мандельштама: «Неужели я настоящий и действительно смерть придет». Это звучало не только апофатически по отношению к себе, своей судьбе, которую поэт всегда тонко ощущает, но и отрезвляюще в онтологическом смысле, поскольку, во-первых, любое открытое упоминание о смерти оставляет человека один на один с самим собой и Богом, во-вторых, в контексте национального русского образа мира это позволяет

парадоксальным апофатическим образом почувствовать себя метафизически сопричастным, вернуться в сакральное лоно Вселенной. Так, голос поэта Серебряного века прорезался в творчестве современного поэта, утвердившего Смерть в России, то есть вернувшего ей онтологический сакральный статус. Кроме того, если воспринимать творчество В. Дударева имманентно, то стоит упомянуть и его последнюю полудетскую

поэму «Петушки — Кохма, далее нигде», написанную в игровой манере и посвященную сыну Валериану, который в посвящении обозначен мифологически «Ра», что символизировало для поэта новое рождение, обновление, сакральный «ход солнца». В этой поэме, состоящей из тринадцати частей, несколько раз на уровне ономастикона возникает упоминание поэта Серебряного века (новелла десятая):

В Кохме ночи хрустальнее,
Чем роса на лугу.
В дымке облако дальше
Обратилось в деньгу.
Над заморскими милями
Дождь монет.
Ну и ну!
Как же,
Осип Эмильевич,
Не почуять страну?
Это,
Осип Эмильевич,
Вам не лагерный тлен —
Поднимается милое
Чудо-Юдо с колен. [7, с. 115]

В контексте темы «Мандельштам и Дударев», в ее историко-литературном преломлении, важно не только открытое обращение современного поэта к имени великого предшественника, но и скрытая отсылка к его знаменитому стихотворению «Мы живем, под собою не чуя страны...». Эти

мандельштамовские строчки онтологически переосмысляются у В. Дударева, и современный поэт отвечает по-фольклорному через сто лет классику:

Жил-был
Осип Емельевич —
Чуял Трою-страну. [7, с. 116]

Отчество поэта-акмеиста специально преобразовано, в нем чувствуется фольклорная семантика и намек на героя русской сказки, который воспринимает действительность дорационально, следует путем дурака, о чем в начале XX века говорил в своих лекциях философ Е.Н. Трубецкой. Именно поэтому в заглавие поэмы вынесено оксюморонное на первый взгляд выражение «далее нигде», в котором заложен апофатический посыл в «иное царство». Именно в этом онтологическом поиске солнечной земли, знаний первопредков, который осуществляется через посыл в смерть, поэт видит корневое явление русской жизни, способность метафизически воспринимать мир.

Выводы. Пока человек остро ощущает Абсолюты культуры, Эрос и Танатос, он метафизически приобщен, он может сохранить свое достоинство перед лицом надвигающихся катастроф. Эти два стихотворения «Отчего душа так певуча» О.Э. Мандельштама и «Есть в России тихие долины...» В.Ф. Дударева, написанные с разницей в сто лет, обладают большим культурным потенциалом для изучения танатологического текста русской словесной культуры. Оба поэта, утверждая имажинатив смерти в русском космо-психологосе, дают надежду на то, что для русского мира еще не наступила полная энтропия, и сакральное напоминает о себе и в цифровую эпоху. Кроме того, соотнесенность двух имен позволяет поста-

вить и филологически важный вопрос о преломлениях литературных традиций Серебряного века в поэзии современных авторов.

1. Аверинцев, С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // *Собрание сочинений: в 2 т. Т.1* — М.: Художественная литература, 1990. — С. 5–64.
2. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти. — М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. — 528 с.
3. Варава, В. В. «Дедукция» разума и «индукция» сердца (о жизни и смерти в русской философской культуре) // *Вестник Воронежского государственного университета*. — 2010. — № 2 (4). — С. 5–16.
4. Гаспаров, М. Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама). Слово и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // *Избранные статьи*. — М.: Новое литературное обозрение, 1995. — С. 327–371.
5. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — 544 с.
6. Дударев, В. Интонации: стихотворения. — М.: Художественная литература, 2010. — 192 с.
7. Дударев, В. Петушки — Кохма, далее нигде // *Нева*. — 2018. — № 7. — С. 107–118.
8. Кожин, В. В. Стихи и поэзия. — М.: Советская Россия, 1980. — 304 с.
9. Коррадо-Казанская, Ф. Вариации на тему Тютчева в поэтических дебатах Серебряного века // *Соловьевские исследования*. — 2013. — Вып. 4 (40). — С. 165–172.
10. Кутковой, В. Смысловые особенности цвета в иконе «Святая Троица» Преподобного Андрея Рублева [Электронный ресурс]. — URL: <https://pravoslavie.ru/43579.html> (дата обращения: 15.03.2023).
11. Мандельштам, О. Э. Сочинения: Стихотворения. Проза. Эссе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 864 с.
12. Маяковский, В. Как делать стихи? // *Полное собрание сочинений: в 13 т.* — М.: Художественная литература, 1959. — Т. 12. — С. 81–117.
13. Тульцева, Л. А. Лазоревые цветы России: антропосакральные концепты [Электронный ресурс] // *Институт этнологии и антропологии РАН*. — URL: <https://ieas.ru> (дата обращения: 13.03.2023).
14. Шмеман, А. Литургия смерти и современная культура. — М.: ГРАНАТ, 2013. — 176 с.
15. Gorer, G. The Pornography of Death // *Encounter*. October. — 1955. — P. 49–52.
16. Dudareva, M. A., Shvetsova, T. V., Chesnokova, N. E. et al. “Distant death” in Maxim Gorky’s short story “Obsession” // *AMAZONIA INVESTIGA*. — 2021. — Vol. 42, No. 10. — P. 9–14.

O. MANDELSTAM'S VOICE IN V. DUDAREV'S WORKS: NATIONAL IMAGE OF DEATH

© 2023 M.A. Dudareva, M.A. Buraia

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, Doctor of Culturology
Professor of the Department of General and Slavic Philology¹,
Professor of Department of Russian Literature²*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Mariia A. Buraia, PhD in Philology,

*Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature
of The Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies*

E-mail: buraya.ma@dvfu.ru

¹Russian State University named after. A.N. Kosygin
Moscow, Russia

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia

³Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

The object of the article is the national image of death in Russian verbal artistic culture. The subject of the research is the thanatological text in Russian poetry. The material for the article is two poems - “Why is the soul so melodious” by O.E. Mandelstam and “There are quiet valleys in Russia...” by V.F. Dudarev. At the center of hermeneutic and cultural-philosophical analysis is the interaction of two types of reality, phenomenal and noumenal, rational and spontaneous in

art. Much attention is paid to the image of death in these two poems and the images of wind, groves, and flowers associated with it. The research methodology is reduced to a holistic ontohermeneutic analysis of poetic texts by O.E. Mandelstam and V.F. Dudarev, aimed at highlighting the cultural potential of the problem of perception of the phenomenon of death in the Russian national image of the world, which allows penetrating the poetic word from ontological and apophatic positions, as well as revealing the significance of the literary traditions of the Silver Age in the work of a modern poet; typological and historical-literary methods of text research are applied. The results of the work may be of interest to philologists who include literature in the space of a large dialogue of cultures, and can also be used in teaching courses in cultural studies and Russian philosophy.

Keywords: Russian culture and literature, Russian folklore, aesthetics of the Silver Age, the phenomenon of death, the poetics of O. Mandelstam, modern poetry, the work of V. Dudarev

DOI: DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-93-97-103

EDN: WWVJDP

1. Averincev, S. S. Sud'ba i vest' Osipa Mandel'shtama (The fate and message of Osip Mandelstam) // *Sobranie sochinenij: v 2 t. T.1* — M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. — S. 5–64.
2. Ar'es, F. Chelovek pered licom smerti (Man in the face of death). — M.: Progress — Progress-Akademija, 1992. — 528 s.
3. Varava, V. V. «Dedukciya» razuma i «indukciya» serdca (o zhizni i smerti v ruskoj filosofskoj kul'ture) ("Deduction" of the mind and "induction" of the heart (about life and death in Russian philosophical culture)) // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2010. — № 2 (4). — S. 5–16.
4. Gasparov, M. L. Poet i kul'tura (tri poetiki Osipa Mandel'shtama). Slovo i kul'tura (tri poetiki Osipa Mandel'shtama) (Poet and culture (three poetics of Osip Mandelstam). Word and Culture (Three Poetics of Osip Mandelstam)) // *Izbrannye stat'i*. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995. — S. 327–371.
5. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira (Mentality of the peoples of the world). — M.: Algoritm; Eksmo, 2008. — 544 s.
6. Dudarev, V. Intonacii: stihotvoreniya (Intonation: poems). — M.: Hudozhestvennaya literatura, 2010. — 192 s.
7. Dudarev, V. Petushki — Kohma, dalee nigde (Petushki - Kokhma, nowhere further) // *Neva*. — 2018. — № 7. — S. 107–118.
8. Kozhinov, V. V. Stihi i poeziya (Verses and poetry). — M.: Sovetskaya Rossiya, 1980. — 304 s.
9. Korrado-Kazanskaya, F. Variacii na temu Tyutcheva v poeticheskikh debatah Serebryanogo veka (Variations on the theme of Tyutchev in the poetic debates of the Silver Age) // *Solov'evskie issledovaniya*. — 2013. — Vyp. 4 (40). — S. 165–172.
10. Kutkovej, V. Smyslovye osobennosti cveta v ikone «Svyataya Troica» Prepodobnogo Andrey Rubleva (Semantic features of color in the icon "Holy Trinity" of St. Andrei Rublev) [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://pravoslavie.ru/43579.html> (data obrashcheniya: 15.03.2023).
11. Mandel'shtam, O. E. Sochineniya: Stihotvoreniya. Proza. Esse (Works: Poems. Prose. Essay). — Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. — 864 s.
12. Mayakovskij, V. Kak delat' stihy? (How to make poetry?) // *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* — M.: Hudozhestvennaya literatura, 1959. — T. 12. — S. 81–117.
13. Tul'ceva, L. A. Lazorevye cvety Rossii: antroposakral'nye koncepty [Elektronnyj resurs] (Azure flowers of Russia: anthroposacral concepts) // *Institut etnologii i antropologii RAN*. — URL: <https://ieas.ru> (data obrashcheniya: 13.03.2023).
14. Shmeman, A. Liturgiya smerti i sovremennaya kul'tura. — M.: GRANAT, 2013. — 176 s.
15. Gorer, G. The Pornography of Death // *Encounter*. October. — 1955. — P. 49–52.
16. Dudareva, M. A., Shvetsova, T. V., Chesnokova, N. E. et al. "Distant death" in Maxim Gorky's short story "Obsession" // *AMAZONIA INVESTIGA*. — 2021. — Vol. 42, No. 10. — P. 9–14.